

УДК 811.161.1'42:808.51:[251+252]

ГЛОТОВА Татьяна Александровна,кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова; Владикавказ, Россия;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; тел.: +7-8-928-492-53-31**ГЛОТОВА Елена Юрьевна,**кандидат филологических наук, ассистент кафедры английского языка Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова; Владикавказ, Россия;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; тел.: +7-8-928-935-37-25

СЛОВО ПАСТЫРЯ (ПРОПОВЕДЬ) КАК ВОПЛОЩЕНИЕ РУССКОГО РИТОРИЧЕСКОГО ИДЕАЛА: РЕЧЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СУБЪЕКТОВ В РАМКАХ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проповедь как образец русского риторического идеала, где проповедник и его аудитория выступают участниками речевого взаимодействия. Основы и критерии русского речевого идеала отражены ещё в древних памятниках русской литературы. Слово пастыря (проповедь) обладает мощным нравственно-этическим и лингвистическим потенциалом. В задачи проповедника входит донести до аудитории основы христианской веры. В образе пастыря раскрываются такие составляющие парадигмы ритора, как этос, логос и пафос. В цели риторики входит активизация всех трех модусов убедительности. Являясь чисто монологической формой, проповедь представляет собой некое коммуникативно-диалогическое пространство, продуктом которого является порождение истины. Во время проповеди каждая сторона является участником речевого действия. При создании проповеди священник прибегает к стратегиям постулирования себя и аудитории. Наличие прецедентных феноменов в составе проповеди позволяет говорить о её интертекстуальности. Правила создания проповеди подразумевают соотнесение её текста с Библией.

Ключевые слова: проповедь, риторический идеал, этос, логос, интертекстуальность, интерпретация.

Современная духовная речь, образцом которой является слово пастыря, хранит в себе традиции русской речевой культуры и осмысливается многими исследователями как воплощение русского риторического идеала [7]. Под риторическим идеалом в риторике понимается «система наиболее общих требований к речи и речевому поведению, исторически сложившаяся в той или иной культуре и отражающая систему её ценностей — эстетических и этических (нравственных)» [6, с. 379]. Риторический идеал, существуя в рамках одной культуры и исторической эпохи, является общим для реципиентов-носителей этой культуры. Истоки русской речевой традиции можно найти в древних памятниках русской литературы. Древнерусский идеал речевого поведения соответствовал основным христианским заповедям: любовь к ближнему, смирение, кротость, сдержанность во всех отношениях, запрет лживого слова. Идеальный образец древнерусского речевого и ораторского поведения мы находим в «Словах» Кирилла Туровского, в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона, в «Житии» протопопа Аввакума. Риторический идеал является основой логосферы — «речемыслительной области культуры» [6, с. 32], это «образ прекрасной речи», существующий в сознании любого носителя данной культуры. Воплощением русского риторического идеала является духовная речь как «этико-эстетической образец, который подразумевает особую роль категорий гармонии, кротости, смирения, негневливости, уравновешенности, радости, проявляемой в диалогическом гармонизирующем воздействии, риторических принципах немногословия, спокойствия, правдивости, искренности, благожелательности, ритмической мерности, отказе от крика, клеветы, сплетни, осуждения ближнего» [6, с. 400].

К одной из жанровых разновидностей духовной речи относится слово пастыря (проповедь), обладающее мощным нравственно-этическим и лингвистическим потенциалом. С лингвистической точки зрения проповедь представляет собой монолог, произносимый священнослужителем как в рамках богослужения, так и во время, не ограниченное временем церковной службы, монолог, содержащий поучения, наставления, разъяснения основ веры с целью конкретного религиозно-мотивированного воздействия на адресата. Задача проповедника — раскрыть и донести до аудитории положения и основные истины христианской веры, помочь глубже проникнуть в смысл Писания, побудить слушателей соотносить свою жизнь с христианским учением.

Проповедь, с точки зрения речевого взаимодействия проповедника и аудитории, представляет собой особое явление. В центре проповеди — образ пастыря, главный субъект речи, он же ритор, в котором раскрываются важнейшие составляющие парадигмы ритора: этос, логос, пафос. Этос, логос и пафос ещё называют риторическими источниками убедительности, без соблюдения которых не может быть построена коммуникативно воздействующая речь, осуществлено речевое взаимодействие субъектов (говорящего — слушающего) в рамках коммуникации. В общем понимании, логос — это убеждение посредством апелляции к рассудку, последовательностью доводов, построенных по закону логики; этос — убеждение посредством апелляции к признаваемым аудиторией моральным принципам; пафос — означает возбуждение эмоции или страсти, на базе которой и происходит убеждение. Рито-

рика рекомендует в общем случае подбирать материал так, чтобы активизировать все три источника, или модуса, убедительности. В тексте должна быть представлена логическая последовательность рассуждений, доводы должны опираться на моральные принципы и апеллировать к эмоциям аудитории. При этом модусы убеждения должны быть приведены в гармонию друг с другом и темой. Проповедь, слово пастыря, являясь, по сути, чисто монологической формой, тем не менее, представляет собой некое коммуникативно-диалогическое пространство, продуктом которого является порождение истины. Проповедник ведёт свой диалог со слушателями, и каждая сторона выступает участником речевого действия: священник, произносящий проповедь, естественным образом проявляет себя в качестве говорящего, ратора, и слушатели — имплицитные носители его слов и участники речи. При этом проповедник и его аудитория представляют собой единство, некое коллективное «Я», так как всё, что говорит священник слушателю, относится не в меньшей степени и к нему самому. Происходит совместное речевое действие проповедника и аудитории. Например, Патриарх Кирилл при обращении к слушателям постоянно употребляет местоимения первого лица множественного числа «Мы»: *«Если мы последователи Господа и Спасителя, то мы должны помнить эти слова»; «Мы совершили сегодня торжественное богослужение в память святого благоверного и преподобного князя Даниила Московского»; «Мы не должны ни словом, ни делом, ни жестом, ни взглядом, ни намёком, ни полунамёком создать впечатление, что мы поддерживаем грех или поддерживаем кощунство»* (Проповедь Патриарха Кирилла от 17 марта 2012 года, в субботу третьей седмицы Великого поста) [здесь и далее цит. см.: 8]. Можно согласиться с мнением, что «проповедник в этой ситуации является как бы голосом своей аудитории, а текстовая компетенция аудитории функционирует как условие коллективного речевого действия» [2, с. 81]. Таким образом, речевое взаимодействие в проповеди священника не является оппозиционным — проповедник, опираясь на компетенцию аудитории, актуализирует в коллективном сознании необходимые в рамках темы общие всем смыслы, добываясь тем самым образования единства между собой и слушателями. Такому образованию единства способствуют также такие факторы, как личность проповедника (этический аспект риторики), его авторитетные слова, привлечение авторитетных источников для убеждения слушателя. Создавая проповедь, священник выбирает стратегию постулирования себя и аудитории. Текст проповеди обычно содержит цитаты, реминисценции, аллюзии, и можно говорить о некоторой природе интертекстуальности проповеди. Феномен интертекстуальности уже давно привлекает внимание и литературоведов, и учёных-лингвистов, занимающихся вопросами анализа и интерпретации текста. Сам термин «интертекстуальность» был введён в употребление философом, лингвистом Юлией Кристевой в 1967 году в статье «Бахтин: слово, диалог и роман». Следует отметить, что вопросы взаимоотношения текста с другими текстами рассматривались в трудах М. М. Бахтина, Р. Барта, Л. Женни, М. Риффатера, Ж. Женнетта, М. Гессе, Ж. Дерриды и др. Что же включает в себя данное понятие? Для Ю. Кристевой интертекстуальность является «пермутацией текстов» по своей сути, поскольку «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [4, с. 167]. Ж. Женнетт даёт своё определение интертекстуальности: «...интертекстуальность чаще всего предполагает непосредственное присутствие одного текста в другом тексте» [9, с. 54]. Рассуждая о природе текста, Р. Барт приходит к выводу, что «текст — это интертекст: на разных уровнях, в более или менее опознаваемой форме в нём присутствуют другие тексты — тексты предшествующей культуры и тексты культуры окружающей; ... текст — это новая ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат» [10, с. 1683].

Говоря об интертекстуальности проповеди, мы, прежде всего, определяем речь священнослужителя как «истолкование священного текста» [3, с. 275] и, вслед за И. В. Арнольд, понимаем под интертекстуальностью «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменённых цитат, аллюзий и реминисценций» [1, с. 346]. Поскольку в основе текста проповеди лежит Священное Писание, можно сказать, что текст проповеди, по своей сути, существует за счёт других текстов.

Отметим, что сама Библия по своей природе интертекстуальна, так как складывалась из прецедентных текстов на протяжении веков. Библия, как пишет Н. В. Мечковская, «оказывается тем смысловым ядром, силовое поле которого порождает новые смыслы и новые тексты, ... которыми наполняется информационное пространство культуры» [5]. Проповедь невозможна без соотнесения её текста с Библией, ведь цель проповеди — «донесение смысла слова Бога до сознания людей» [5]. Строя проповедь на цитатах или образах из Библии, проповедник запускает важный механизм и даёт направление диалога слушателя с самим собой, священником, Богом. При этом данное «общение» имеет цель привести к восприятию, пониманию и принятию Слова Божия. В Слове пастыря Патриарха Кирилла имеется много цитат, реминисценций, аллюзий как из Библии, так и из жития и посланий святителей. Например: *«Замечательно сказал о кресте святитель Феофан Затворник: «Крест сросся с нашим земным бытием в тот момент, когда заключились для людей двери земного рая»; «Почему же люди готовы идти на страдания и даже смерть, защищая свою веру? Ответ на этот вопрос содержится в сегодняшнем апостольском чтении из послания к Евреям (Евр. 11:24–26, 32–12:2). Там говорится о вере Моисея, о вере ветхозаветных пророков, которая помогла им преодолевать трудности, творить чудеса; но завершается этот отрывок дивными словами: «Будем с терпением проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса»; «... А затем человек был удален из рая — именно потому, что первые люди, Адам и Ева, по природе своей испорченные грехом, были не только недостойны, но и неспособны быть в общении с Богом»*. Однако цитаты и образы — это не пассивное предоставление слушателю или

читателю фактического материала. Ведь не каждый прихожанин способен сразу же вникнуть в его смысл и должным образом отреагировать ответным высказыванием (пусть даже в форме внутреннего монолога), или вопросом. Как понимание, так и истолкование проповеди требует знаний и значительной работы со стороны священнослужителя и прихожан. И задача пастыря состоит в формировании межтекстовой компетенции, закрытие так называемых «лакун» — прецедентных феноменов, не входящих в когнитивную базу адресата. Интертекстуальность, таким образом, выступает как метод прочтения, так и художественный приём. Вопреки обычным произведениям, в которых упоминание или цитирование другого текста наблюдается с расширением или изменением его формы и значения, цитаты и аллюзии в тексте проповеди должны быть приведены с максимальной точностью (а в письменных текстах и с построчным указанием источника), и ни в коем случае не допускать искажения или вольного толкования материала. Пастырь не выходит из единого контекста, не нарушает религиозного канона, ведь «...Свят не только Бог, но и Его записанное слово, Его имя, буква в имени... Святые и должны быть неизменны те слова, которыми Пророк или ученики славилы Бога и говорили Ему о своей любви и верности» [5].

Таким образом, в рамках проповеди священник признаёт и указывает прихожанам на главенство Библейского текста как на «голос Бога», стремится решить проблему восприятия Евангельского чтения на литургии, усиливает воздействие собственных высказываний путём актуализации связей с текстом из Библии, стимулирует диалог прихожан с самими собой, священником, друг с другом. Вспомним, что «Слово Пастыря» Патриарха Кирилла мотивирует на конструктивную дискуссию и в значительной степени посвящено ответам на вопросы телезрителей. В процессе интерпретации проповеди читатель или слушатель должен овладеть смысловым пространством текста. При этом задача пастыря — помочь ему в этом, способствовать формированию межтекстовой компетенции, эксплицировать смысл проповеди, не навязывая свою точку зрения, а оставляя пищу для ума, для продуктивного переосмысления текста, то есть, направлять верующих на постоянную духовную работу над собой.

Воздействие проповеди на аудиторию — воздействие особого рода, которое можно определить с позиции риторики как вовлекающее воздействие. Этому способствуют и многочисленные вопросы, с которыми проповедник обращается к слушателям: «И нередко возникает вопрос, на который люди отвечают по-разному: а почему именно мне выдал этот крест? Почему я заболел, будучи молодым, сильным, энергичным, и это помешало мне сделать карьеру, создать семью, сделаться богатым и благополучным? Почему меня, достигшего высот в своей профессиональной деятельности, ставшего человеком значительным, уважаемым, богатым, вдруг постигают какие-то несчастия и всё приходится начинать сначала? Почему человеку, живущему доброй христианской жизнью, вдруг приходится сталкиваться с ложью, клеветой? За что всё мне это? И вот Крест, который лежит сегодня посреди храма, помогает нам ответить на вопрос: а что же означает страдание? Каков его смысл?... Какой же тогда смысл в наших собственных крестах?... А что же нужно для того, чтобы были прощены грехи? Достаточно ли слова «прости», сказанного нашему близкому, родному человеку, нашему коллеге, нашему брату?» (Проповедь Патриарха от 18 марта 2012 года, в неделю 3-ю Великого поста, Крестопоклонную). Такие вопросы стимулируют мыслительную активность слушателей, заставляют искать ответы на вопросы, которые актуальны для человека, позволяют создать соответствующий эмоциональный фон для внутреннего раскрытия слушателей к получению передаваемой священником информации.

Таким образом, представляя собой образец русского риторического идеала, проповедь специально организуется автором как коллективное речевое взаимодействие: в проповеди священник выступает в единстве с аудиторией, вовлекая её силой своего убеждения и воздействия в гармонизирующее диалогическое сотрудничество.

Литература

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. / И. В. Арнольд ; [науч. ред. Г. Е. Бухаркин]. — С. Пб. : Изд-во СПбГУ, 1999. — 444 с.
2. Гончаров И. Н. Субъектная организация коммуникативного акта в торжественном Слове (Иларион Киевский и Кирилл Туровский) / И. Н. Гончаров // Риторика в системе коммуникативных дисциплин : Записки Горного института [Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет)]. — С. Пб., 2005. — Т. 160, ч. 1. — С. 80–83.
3. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2004. — 390 с.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / [пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косиков]. — М. : ИГ Прогресс, 2000. — С. 427–457.
5. Мечковская Н. Б. Язык и религия : лекции по филологии и истории религий. Мир духовной литературы / Н. Б. Мечковская // Методический портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.mirduhlit.ru (1998).
6. Михальская А. К. Основы риторики: Мысль и слово / А. К. Михальская. — М. : Просвещение, 1996. — 416 с.
7. Прохвятилова О. А. Традиции речевой культуры и современная духовная речь / О. А. Прохвятилова // Риторика в системе коммуникативных дисциплин : Записки Горного института. — С. Пб., 2005. — Т. 160, ч. 1. — С. 61–62.
8. Проповеди Патриарха Кирилла, произнесённые во время Великого поста, 2012 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.patriarhkiril.blogspot.com.
9. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / Натали Пьеге-Гро ; [пер с фр., ред. и вступ. ст. Г. К. Косиков]. — М. : Изд-во ЛКИ, 2008. — 240 с.
10. Barthes R. Texte (théorie du) // Barthes R. Œuvres complètes. — Paris : Seuil, 1994. — Т. II.

References

1. Arnold I. V. Semantika. Stilistika. Intertekstualnost : sb. st. / I. V. Arnold ; [nauch. red. G. Ye Bukharkin]. — S. Pb. : Izd-vo SPbGU, 1999. — 444 s.

2. *Goncharov I. N.* Sub'ektnaya organizatsiya komunikativnogo akta v torzhestvennom Slove (Ilarion Kievskiy i Kiril Turovskiy) / I. N. Goncharov // Ritorika v sisteme komunikativnykh distsiplin : Zapiski Gornogo instituta [Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy gornyy institut (tekhnicheskiy universitet)]. — S. Pb., 2005. — T. 160, ch. 1. — S. 80–83.
3. *Karasik V. I.* Yazykovy krug : lichnost, kontsepty, diskurs / V. I. Karasik. — M. : Gnozis, 2004. — 390 s.
4. *Kristeva Yu.* Bakhtin, slovo, dialog i roman / Yu. Kristeva // Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu / [per. s fr., sost., vstup. st. G. K. Kosikov]. — M. : IG Progress, 2000. — С. 427–457.
5. *Mechkovskaya N. B.* Yazyk i religiya: lektsii po filologii i istorii religiy. Mir dukhovnoy literatury / N. B. Mechkovskaya // Metodicheskiy portal [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa : www.mirduhlit.ru (1998).
6. *Mikhalskaya A. K.* Osnovy ritoriki: Mysl i slovo / A. K. Mikhalskaya. — M. : Prosveshchenie, 1996. — 416 s.
7. *Prokhvatilova O. A.* Traditsii rechevoy kultury i sovremennaya dukhovnaya rech / O. A. Prokhvatilova // Ritorika v sisteme komunikativnykh distsiplin : Zapiski Gornogo instituta. — S. Pb., 2005. — T. 160, ch. 1. — S. 61–62.
8. *Propovedi Patriarkha Kirilla*, proiznesennye vo vremya Velikogo posta, 2012 [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: www.patriarhkiril.blogspot.com
9. *Pege-Gro N.* Vvedenie v teoriyu intertekstualnosti / Natali Pege-Gro ; [per s fr., red. i vstup. st. G. K. Kosikov]. — M. : Izd-vo LKI, 2008. — 240 s.
10. *Barthes R.* Texte (théorie du) // Barthes R. Œuvres complètes. — Paris : Seuil, 1994. — Т. II.

Глотова Тетяна Олександрівна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови Північно-Осетинського державного університету ім. К. Л. Хетагурова; Владикавказ, Росія;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; тел.: +7-8-928-492-53-31

Глотова Олена Юрївна,

кандидат філологічних наук, асистент кафедри англійської мови Північно-Осетинського державного університету ім. К. Л. Хетагурова; Владикавказ, Росія;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; тел.: +7-8-928-935-37-25

СЛОВО ПАСТІРЯ (ПРОПОВІДЬ) ЯК ВТІЛЕННЯ РОСІЙСЬКОГО РИТОРИЧНОГО ІДЕАЛУ: МОВЛЕННІВНА ВЗАЄМОДІЯ СУБ'ЄКТІВ У РАМКАХ КОМУНІКАЦІЇ

Анотація. У статті розглянуто проповідь як зразок російського риторичного ідеалу, де проповідник і його аудиторія виступають учасниками мовленнєвої взаємодії. Основи та критерії російського мовного ідеалу відображені ще в стародавніх пам'ятниках російської літератури. Слово пастиря (проповідь) має потужний морально-етичний і лінгвістичний потенціал. Завданням проповідника є донесення до аудиторії основ християнської віри. В образі пастиря розкриваються такі складові парадигми риторика, як етос, логос і пафос. Мета риторики — активізація всіх трьох модусів переконливості. Будучи суто монологічною формою, проповідь являє собою певний комунікативно-діалогічний простір, продуктом якого є породження істини. Під час проповіді кожна сторона є учасником мовленнєвої дії. При створенні проповіді священник вдається до стратегій постулювання себе й аудиторії. Наявність прецедентних феноменів у складі проповіді дозволяє говорити про її інтертекстуальність. Правила створення проповіді мають на увазі співвіднесення її тексту з Біблією.

Ключові слова: проповідь, риторичний ідеал, етос, логос, інтертекстуальність, інтерпретація.

Tatyana A. Glotova,

Candidate of Philological Sciences, Ass. Prof. at the Russian Language Chair of the North Ossetian State University after K. L. Khetagurov; Vladikavkaz, Russia;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; tel.: +7-8-928-492-53-31

Yelena Yu. Glotova,

Candidate of Philological Sciences, assistant lecturer at the English Language Chair of the North Ossetian State University after K. L. Khetagurov; Vladikavkaz, Russia;
e-mail: glotovatanya@yandex.ru; tel.: +7-8-928-935-37-25

PUBLIC PREACHING (SERMON) AS A MODEL OF RUSSIAN RHETORIC: INTERACTION IN COMMUNICATION

Summary. The article deals with the sermon as a model of Russian rhetoric, where the preacher and his listeners represent the participants of speech interaction. The principles and criteria of Russian model speech date back to the ancient Russian source books. Public preaching (sermon) has a significant moral, ethical and linguistic potential. One of the goals of the preacher is to bring the basics of Christian faith home to the listener. The image of the preacher contains such constituent paradigms as ethos, logos and pathos. Rhetoric aims at the activation of all the three cogency modi. Despite its monological character sermon represents a certain communicative and dialogical space that aims at producing the truth. During the sermon all parts are involved in the communication process. Sermon creation presupposes the knowledge of certain postulation strategies on the part of the preacher and the listeners. Precedent phenomena in the sermon allow us to infer its intertextuality. Correlation with the Bible is essential for the sermon creation.

Key words: sermon, model of rhetoric, ethos, logos, intertextuality, interpretation.

Статтю отримано 22.07.2013 р.